

ВЫСОКОЙ Гражданской пробы

Размышления о спектакле Аркадия Райкина

Есть в спектакле «Мир дому твоему», который идет в Государственном театре миниатюр, такая сценка. Директор некоей фабрики, выпускающей товары народного потребления, приехал в столицу с рапортом о перевыполнении плана, приехал в столицу с похвалами и получать премию. И вот сидит он, отдыхая в городском скверике, а к нему, озираясь, подсаживается незнакомец. Почти одними губами спрашивает: «Хвоста у меня нет?» Директор недоуменно заглядывает за его спину. Пришелец принимает сей наивный взгляд за попытку отшутиться и сразу переходит к сугубо деловому разговору. Он хвалит директора за его работу и сообщает, что уже принес ему премию. Директор изумлен: какое новшество в министерском главке — премию дают аж на блюдечке. А незнакомец продолжает восхищаться директором: его предприятие не только выпускает продукцию, которая годится разве лишь в утиль, но еще и забивает ею склады и магазины...

Не буду пересказывать всю эту остроумную сценку, которую непринужденно, но не без сарказма разыгрывают Аркадий Райкин (директор) и Константин Райкин (незнакомец). Скажу только о финале: неизвестный, уходя, оставляет чемоданчик с «премией», и директор к своему ужасу обнаруживает в нем купюры иностранного банка.

Парадоксальностью ситуации и гиперболой вымысла сатира высвечивает весьма знакомую реальность, поистине преступную «наивность» тех хозяйственников, что гонят многократно осужденный «вал», захламляют магазины пиджаками, вышедшими из моды, тканями убогих расцветок...

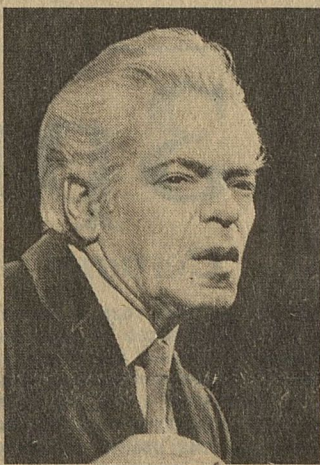
Название спектакля «Мир дому твоему» звучит как торжественное благословение. А ведь он — сатирический! Как же примирить это? Однако примирять и не надо. Искусство Райкина тем и победительно, что его смех высокой гражданской пробы. Художник любит своего гуманного, трудолюбивого и рачительного современника. Он знает его как Человека с большой буквы. И он начинает свой спектакль лирико-патетическим монологом об этом человеке, а потом напоминает: «Точка, точка, запятая... Палка, палка, огуречик...» Знакомая с детства присказочка о том, как рисуется человек-огуречик. Но у настоящего человека есть сердце, честь, совесть. А у нарицательного ни того, ни другого, ни третьего. Но встречаются и в жизни люди, напоминающие эту примитивную фигурку на асфальте. Такой «огуречик» — человеком его не назовешь — часто соглашается, когда надо бы возразить, и возражает, когда надо соглашаться, знает, что цифры взяты с потолка, но подписывает документы, услышал крик «помогите» — прошел мимо...

Взаимопонимание Райкина со зрительным залом, его общение с ним как бы на одной волне не только от магии таланта. Тут и «думы власть», той думы, которая равно владеет и артистом, и зрителем. В самом деле, какое зло этот, не к ночи будь помянут, «присованный человечек». Полчища грызунов не нанесут столько вреда, на какое способен, а вернее, какое творит в силу своей неспособности, некомпетентности, забюрократченности, бессовестности этот представитель «огуречного» племени. И

Райкин выволакивает его на всеобщее стыдобоозрение, выворачивает наизнанку его пустотную душонку.

А вот артист заглядывает в некую планирующую инстанцию, где с помощью новейшей электронно-вычислительной машины пытаются выяснить, какую прибыль можно получить, скажем, в Новгородской области, организовав там производство молока на верблюжьей ферме и завозя самолетами для кормления животных коксагыз из Казахстана. Это дешевле, рассуждают мудрецы, чем возить верблюдов в Казахстан на кормежку. Машина же — этакая бестия — отвечает загадочно: «Пятьдесят пять». «Чего 55?» — ошарашенно спрашивают «проектанты». И компьютер не без ехидства формулирует: «Минимум 55 лет строгой изоляции тому, кто додумался до этого «проекта»...

Конечно, снова гротеск, но опять-таки метко бьющий по иным нелепицам планирования, местническим амбициозным «дерзаниям».

Как же достигается эта снайперская стрельба по целям?

— Подготовка новых спектаклей, репетиции, — говорит артист, — порой превращались, да и ныне превращаются у нас в жаркие собрания и даже, я бы сказал, в некое подобие ученых дискуссий, когда весь коллектив анализирует, всесторонне обсуждает, насколько актуальна, общественно необходима, точно нацелена та или иная наша миниатюра. Поразит ли она именно ту цель, которую следует поразить, в противном случае можно попасть совсем не туда, куда метили.

Любой драматический театр, — продолжает А. Райкин, — имеет возможность взять к постановке и уже известную пьесу, и даже ту, что идет на соседней сцене. А для нас каждая постановка уникальна. Ее можно увидеть только у нас, и, значит, каждая должна быть открытием проблем, тем, мишеней сатиры и юмора.

Беседуя с Райкиным, вспоминаю рождение Театра эстрады и миниатюр и первый его спектакль, название которого звучало как призыв — «Не проходите мимо». Это было в Ленинграде в 1939 году. С тех пор театр и его ведущий мастер верны своему призванию и, действительно, не проходят мимо того, что требует их зоркого глаза и чуткого уха.

— Поставлено более тридцати пяти спектаклей, — замечает артист, — не скрою, в нашей работе мы встречались и с недоброжелателями, склонными нас обвинить чуть ли не в очернительстве, людьми не далекими или трусливо опасливыми, не понимавшими благородного механизма действия сатиры, когда она выражает потребность общества разобратся в некоторых нетерпи-

мых для него фактах и ситуациях. Но, заметьте, все до единого созданные нами спектакли были показаны зрителям и имели, как правило, благожелательную прессу. А сам факт почти полувекового существования эстрадного театра сатиры — явление в мире беспримерное.

Подтверждение же благородной миссии сатиры, вдохновленной побуждением защитить наш высокий идеал от посягательств всяческих прилипал и хапуг, от всех паразитирующих и хамелеонствующих, Театр Райкина получал неоднократно. А однажды даже при совершенно особых обстоятельствах.

— Выступали мы несколько лет назад в одном из зарубежных городов, — вспоминает Райкин. — Кто и что наштал актерам того театра, на сцене которого проходили наши гастролы, я не знаю. Но на первое наше выступление ни один артист этого театра не пришел, хотя их главный режиссер купил всем билеты. Здесь надо заметить, что наши выступления повсюду в этой стране проходили с неизменным успехом. А тут вдруг такое (правда, публика заполнила и на этот раз зрительный зал до отказа).

Однако на второй день наших гастролей, очевидно, уже что-то прослышав о них, один из местных коллег появился в зале, а на третье представление пришла уже вся труппа. Свободных мест не было, и им пришлось сидеть на полу в проходах, жаться у стен. Но по окончании спектакля они аплодировали вместе со всеми, а потом пришли к нам за кулисы и взволнованно говорили, что не подозревали, что в таком жанре можно обсуждать глубокие и важные вопросы общественной жизни. И что они изумлены, как смело мы говорим о недостатках и даже показываем их за рубежом. Как видите, сатира не только не подорвала престиж нашей страны, но подняла его еще выше.

Беседа приходится завершать — должен прийти артист, с которым Райкин репетирует новую миниатюру, что пополнит программу спектакля «Мир дому твоему» (обратите внимание: спектакль уже прошел много раз, а мастер все еще его шлифует, обогащает). Герой, а вернее антигерой этой миниатюры — человек, который никак не решается высказать свое личное мнение ни по какому вопросу, сколько его об этом ни просят. Миниатюра уморительная. Райкин, упомянув о ней, тут же увлекается и начинает разыгрывать ее в лицах. При этом смеется сам, как ребенок.

Начиная спектакль «Мир дому твоему», Райкин появляется в строгом черном костюме. А в финале легко выбегает уже в ослепительно белом, как бы стерев все тени «человечков - огуречков», загнав их в угол, где они и окажутся, как ни ловчат, потому что неумолима работа, которая идет в нашем обществе, ориентированном на самые требовательные представления о социальной справедливости. Потому что, как напоминает артист в одной из миниатюр, он верит, что в человеке заложен, образно говоря, неистребимый ген порядочности, благородства, совести. И, обращаясь к залу единомышленников, Райкин взволнованно провозглашает: «Мир дому твоему, Человек!»

Георгий КАПРАЛОВ.

ПРАВДА
г. Москва

26 ЯНВ 1985

130